

Шевелев Я.В. Могучий

С.С. Городков

Это строка из стихотворного посвящения на редкость симпатичной сотруднице соседнего отдела. Посвящение написано на форзаце первого томика «Нормативной экономической теории социализма» Я.В.Шевелева. Трехтомник в мягкой обложке вышел в конце февраля 1992 года и, согласно пожеланию автора распространялся по цене 6 рублей. Вот и вышел подарок на 8 марта, непростой, но с искренней надписью:

Этот труд из трех частей,
Скинувшись по три рубля,
Тебе решили без затей
Преподнести, тебя любя.

Лучше было бы украсть.
Впрочем, так и поступали,
Когда душой владела страсть.
Но, прости нас, - мы увяли.

Еще лучше, если б сам
Шевелев Я.В. могучий
Преподнес три тома Вам
(не тебе а Вам, - так лучше)

Эх, лукава жизнь, лукава.
Суета, а счастье зыбко.
Шевелеву светит слава,
А нам, дай бог, твоя улыбка.

Автор – сотрудник Шевелевского 36–го отдела Валерьян Брызгалов. Вторые три рубля – мои. Валерьян славился своим жестким юмором среди коллег, которые почти все сами были не слабы по этой части. Но, ручаюсь, никому из них слова про могучего Я.В. не показались шуткой. А ведь Ясен Владимирович был сложения заведомо не крупного. Носил сильно отрицательные очки. Голову его украшала постепенно седеющая и редущая шевелюра, похожая на Эйнштейновскую. К тому же он почему то часто появлялся в коротковатых брюках, которые во время выступлений еще поддегивал вверх тыльными сторонами рук, видимо, по привычке лектора, пишущего на доске мелом. Какая уж там могучесть?

В первую очередь - умственная, да такая, в которой не сомневался никто. Когда я в 70 году пришел в возглавляемый Я.В. 68-й сектор с дюжиной сотрудников, то один из них, Григорий Лиман, рассказал мне следующую историю.

Как-то раз Я.В. приехал в командировку на одно предприятие. И шел по его территории вместе с директором мимо пруда-охладителя. И опустил в пруд палец. Потом немного задумался (наверное, по своей привычке в таких случаях, сощурив один и пошире раскрыв второй глаз). И сказал директору, что ежедневное производство продукта на этом предприятии такое-то. Директора, услышавшего в несоответствующем месте сверхсекретную цифру, чуть кондрашка нехватила.

Мне история очень понравилась. Но я и не подумал спросить у Ясика, насколько она достоверна. С одной стороны, времена еще были почти староотеческие. Секретность соблюдалась неукоснительно, и неуместные вопросы по тематике никто просто не задавал. Как-то Ясик послал меня в первый отдел прочитать работу по применению метода Галанина-Фейнберга, который надо было использовать и мне. Нормальная работа. Но выпущена в виде отчета в какой то центральной

заводской лаборатории. Я любопытно выяснил, что это за завод, в лаборатории которого делают такие работы. Ясик коротко ответил: «Это вообще-то не завод». Все.

С другой стороны, последующая жизнь не дала мне ни одного повода усомниться в достоверности этой, ну может чуть приукрашенной (насчет кондрашки) истории. Однако когда завеса секретности стала ветшать и разрушаться, я все-таки спросил у него – правда ли это? Он улыбнулся и также коротко ответил: «Не было этого». А ведь запросто могло и быть!

Тем более, что тоже давно, уж не вспомню когда, слышал еще один апокриф. Дескать у Фейнберга было два «самых» ученика. Один – самый любимый. Его фамилию не назову по причине, которая сразу станет понятна. Потому что второй был самый умный. Этот второй и был Шевелев.

В начале 70-х в Курчатовском институте была установлена одна из первых электронных вычислительных машин марки БЭСМ-6 с процессором 10 Мгц, оперативной памятью 180 Кбайт, с накопителем на магнитных лентах и только несколько лет спустя – на жестких дисках объемом 7 Мб. При этом одна БЭСМ-6 обслуживала около сотни пользователей. Но тогда это был почти пятидесятикратный скачок по производительности по сравнению с предыдущей ЭВМ М-20.

Темой 68 сектора, позднее ставшего 36-м отделом, была теория и методы расчета реакторов. Так что неудивительно, что все его сотрудники дружно включились в освоение новой техники, тем более что среди них был еще один очень талантливый и яркий человек – Лев Майоров, который сразу по окончании физфака МГУ в 56 году стал одним из первых энтузиастов использования ЭВМ в сложных расчетах.

В то время самой интересной темой, обсуждаемой на ежедневных чаепитиях, стали разные тонкости использования операционной («мониторной») системы и языка программирования (ФОРТРАН), а также машинной архитектуры. Неудивительно, что я как-то раз, послушав беседу Григория с Шевелевым, с которым тогда сидел в одном кабинете, сказал: «Зачем ты, Гриша, занимаешь центральный процессор?». С этого ли момента, от меня ли, но это прозвище за Шевелевым закрепилось. Но использовалось не как другое имя, а как подтверждение аргумента: «Это сказал Ясик. – Да, центральный процессор».

Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Написал как-то Ясик короткую программку, дал Тане Владимировой текст с просьбой перевести («набить») на перфокарты и пропустить в дневное, отладочное время. Это время распределялось поминутно по талонам и Ясик сказал, что пары талонов хватит. Но за две минуты программа расчет не закончила. Задачу оставили на ночь, уже минут на 15, и снова безрезультатно. Я встрял посмотреть, в чем дело, и оказалось, что внутри цикла шести- или восьмикратной вложенности, т.е. многие миллионы раз, вычисляется несколько синусов и косинусов. Я предложил составить табличку всех нужных значений и использовать ее, не вычисляя их многократно. При этом добавил: «Я покажу этому папуасу, как надо программировать!».

Причем здесь папуас? А это Алик Франк-Каменецкий ввел термин для обозначения пользователей, которые могут забить под завязку компьютер любой мощности. Исправленная программа действительно уложилась в два талона, а случай был проанализирован на общем чаепитии. Валерьян завершил этот анализ, рявкнув под общий смех: «Папу-Яс!».

Напомню читателю и про жесткий юмор и про неоспариваемое могущество Ясика.

И чтобы завершить тему Шевелева-программиста отмечу, что еще в добэсмовский период Ясик для облегчения отладки написал (в кодах!, тогда по другому и не писали) программу-прокрутик для М-20, которая выполняла любую данную программу по одной команде. Мне не довелось с ней работать, но думаю, что для ее создания требовалась высокая программистская квалификация.

Большим машинам – большие программы для многих пользователей. Их стали создавать более узко ориентированные специалисты. Мобилизация Шевелева на этот фронт была бы равносильна забиванию гвоздей центральным процессором. Он выводил новые формулы, обдумывал архитектуру программных моделей, а программы писал для себя. Конечно, он присутствовал иногда при нашем обмене информацией, но сам держался в этом смысле пассивно. И когда уже в эру персональных компьютеров он пожаловался на расходимость итерационного процесса в своей частной задаче и показал программу, я подивился качеству ее текста, а самого

автора зауважал еще больше.

А чем тогда «занимал центральный процессор» Григорий? Он любил читать заковыристые книги, а потом с жаром пересказывать прочитанное любому готовому слушать коллеге. Сил дослушать хватало не всегда и не у каждого. Шевелев был исключением. Вообще он мог сидеть над работой часами и почти неподвижно. Но при появлении Гриши спокойно откладывал в сторону работу и внимательно слушал. Например, про описанные каким то специалистом тонкости игры на валторне, про то, как издавать на ней особые звуки с помощью «передувания», и тому подобное.

Ну а передувание ведет нас к следующей истории. В 1976 году назревал 50-летний юбилей Я.В. Все сотрудники сектора скинулись на подарок по несколько рублей, да еще начальство соседних секторов поучаствовало. Рублей набралось около семидесяти, а может и ста. Немало по тем временам, когда зарплата инженера была 120.

Что дарить? Валерьян, а может Григорий, предложили подарить кларнет. Ясик, мол, имеет скрипку и собирает всякие дудки. Будет у него еще одна. Идея, как увидим, оказалась на редкость хороша. Кларнет был куплен в магазине музыкальных инструментов на Неглинной, предварительно хорошо обмыт в узком кругу и торжественно вручен юбиляру во время пирушки, организованной Галиной Ивановной, женой Ясена Владимировича.

Во время празднования Ясик продемонстрировал некоторое владение инструментом, а Гриша предложил ему поупражняться и ровно через год устроить отчетный концерт. Он же потом рассказывал, что Ясик записался в музыкальную школу и проявил такую прилежность в занятиях, что учителя ставят его в пример другим детям. Было ли это, точно не скажу. Но кто станет проверять хорошую историю.

И через год отчетный концерт состоялся. Галина Ивановна, кажется уже после роскошного стола, раздала всем текст: «Еще Польша не сгинела / егда мы живемо. / Еще москаль в дупу возьме / егда мы захцемо», а чтобы все слова были понятны, рассказала отличный анекдот, который не удержусь, передам: «Советско-Польская граница. Каждый по своей стороне топчутся два пограничника. Дождь, слякоть, холод. Ходят, ходят. Наконец наш спрашивает – А как по вашему ж...? – Дупа, отвечает поляк. Наш говорит, немного подумав, - тоже красиво. . .». Когда хохот стих, Ясик взял кларнет и заиграл мелодию, а мы дружно подхватили. Когда кончили, посыпались заказы: «Ухарь-купец!», «Шаланды!», «Мурка!». Все было исполнено.

Я что-то не помню, чтобы на последующих мероприятиях, которые Галина Ивановна не уставала организовывать, этот кларнет звучал еще. Поэтому приятно удивился, услышав от Е.В.Грачева, некогда готовившего под руководством Шевелева кандидатскую, что уже много лет спустя на застолье по случаю защиты докторской А.Е.Крошилиным (которого, отмечу, Ясик высоко ценил) успешный диссертант выступал с Ясеном Владимировичем дуэтом: скрипка и наш кларнет.

Мы, за исключением Льва Майорова и Н.И.Лалетина, научные работники нижнего звена, решали свои небольшие задачи. Об интеллектуальной силе Я.В. мы судили в первую очередь по личному опыту. С каждой новой мыслью первым делом шли к нему. А мысль иногда бывала на уровне простом, как мычание. За 5-10 минут он схватывал суть и нашу мысль формулировал нам же четко, оценивая одновременно ее перспективность.

В те времена оценка работы была чисто формальной. Есть отчет - хорошо, печатная работа-тоже хорошо. Нужно это кому, не нужно – почти не важно. А нашей наградой был интерес Ясика к нашей работе.

По роду своей деятельности я не встречал более умственно сильного человека. Но мощь Ясика подтверждал и Лев Майоров, который не только сам имел светлую голову, но и встречался со многими крупными учеными. Он то мог сравнивать.

Научные контакты Я.В. были весьма обширны. Кроме того, он много времени проводил и в первом отделе, рецензируя работы с разным количеством букв (Секретно, СовСекретно). Понятно, мы не спрашивали, были ли среди них ССОВ. Почерпнутая Я.В. информация аккуратно укладывалась в его голове, всегда готовая к применению. Неудивительно, что его, в соавторстве с А.Я. Крамеровым, толстенная книга «Инженерные расчеты ядерных реакторов» похожа на энциклопедию – проработать ее всю обычному инженеру практически невозможно. Но будьте

уверены – каждая формула, а среди них много первоопубликованных, перепроверена авторами. Правда, когда второе издание долго-долго готовилось к печати, Я.В. просматривая корректуру, все негромко удивлялся, до чего много ошибок набора. Столько, что даже готовую к переплету книгу пришлось снабжать рекордным по длине списком опечаток длиной в 4 страницы.

Думаю, что показать широту интересов могла бы только мозаика воспоминаний тех многих, кто соприкасался с ним по работе. Сейчас эта мозаика будет уже неполной, но еще не все потеряно. Вчера буквально, слушая лекцию В.М.Качанова для физиков со станций, узнал, что реактиметр ПИР-2, сконструированный Ворониным, был привезен на ЛАЭС и испытан под руководством Ясена Владимировича, обеспечившего своими работами в области динамики правильную интерпретацию показаний. Этот реактиметр в серию не пошел, хотя и был хорош. А пошел другой, за которым, по некоторым причинам закрепилась кличка «Дубон».

...

Надеюсь, из этого рассказа постепенно становится понятным, что Ясен Владимирович был не просто очень умным человеком, но выдающейся личностью. Хорошо воспитанный, ровный, выдержанный, он был для нас как старший товарищ, личным примером задающий правильный тон в хорошей компании.

Очень характерно для него было полное отсутствие тщеславия. Маленькая иллюстрация. В его старом столе у одного из выдвижных ящиков отвалилась ручка, и, когда ящик надо было выдвинуть, он подковыривал его линейкой. Я как-то раз продел через дыру от ручки тесемку с привязанным к ней карандашом. «Потяни деточка за веревочку. . .». А для смеха на внешнем конце тесемки привязал бумажку, как для игры с котенком. Поулыбались и забыли. Так и висела бумажка долгое время, и никому, в первую очередь самому Я.В., не приходило в голову, что это может как-то умалить его статус.

Как про удивительный факт, мы иногда вспоминали, что Ясик однажды(!) подавал на члена-корреспондента. Это соискание было совсем не в его стиле, и процедура подготовки необходимых бумаг вспоминалась им потом с тоской. Конечно, захоти А.П.Александров – был бы Я.В. в академии. Но, возможно, жизнь устроена так, что Александрова, искренне уважаемого Ясеном Владимировичем, надо было сначала попросить.

Научная скромность Я.В., пренебрежение чинами и наградами, были в атмосфере 36-го отдела. Подтверждение тому – докторская Льва Майорова, написание которой он, предпочитая живое дело, не хотел тратить свое время. Из-за чего и затянул свое докторство лет на 25.

Вернемся к стихотворному посвящению. Нам улыбка Лены блеснула, не задержалась. А свет славы за «Нормативную экономику» Ясик так и не увидел. И не только потому, что прожил после ее выхода всего год. Когда он создавал эту книгу, в самый застойный застой, официально считалось, что социализм и так хорош, куда уж лучше. А когда книга вышла, почти официально стало считаться, что он так плох, что о чем говорить. Свой труд Я.В. показывал некоторым экономистам, в частности, Гайдару. Тот, покряхтев (а может, почмокав) сказал, косясь на значки интегралов и дифференциалов: «Я, вообще то, социолог, а не экономист».

Я лично надеюсь, что через какое то время экономические разработки Ясена Владимировича будут оценены. Что касается его признанных идей в области теории ядерных реакторов, многие из них могут получить дальнейшее развитие. Сужу по себе. Когда-то, лет 15 тому, я из чистого интереса проводил под руководством Я.В. исследования о роли вариаций материальных характеристик активной зоны в пределах технологических допусков. Опираясь, в частности, и на эти исследования, Ясик вывел очень красивые соотношения между небольшой амплитудой этих вариаций и гораздо более заметной вариацией результатов расчета энерговыделения. Много лет спустя оказалось, что эти соотношения пригодны и для оценки статистической погрешности расчета больших реакторов методом Монте-Карло.

А у Ясена Владимировича было много сотрудников, причем неофициальных - большинство. Надеюсь, что их семья не пуста стоит.